

МЕДИАСТИЛИСТИКА: КАК УСТРОЕН СОВРЕМЕННЫЙ МЕДИАСТИЛЬ

© Н. И. КЛУШИНА,
доктор филологических наук

В статье предлагается выделять медиастилистику как самостоятельный раздел стилистики. Вводится понятие медиастиля и дается его определение. Разграничиваются научные термины *медиастиль* и *медиадискурс*. Высказывается гипотеза об интенционально-нарративной организации медиастиля.

Ключевые слова: медиастилистика, медиастиль, медиадискурс, интенциональность, нарратив.

Бурное развитие медиа и медийных технологий как основы современного информационного общества послужило толчком к созданию многих научных дисциплин, таких, как медиаэкономика, медиабизнес, медиапсихология и др. Мы можем говорить о становлении *медиадиалогии* как общего научного направления, объектом которого являются медиа. При этом выделяем как самостоятельную научную дисциплину *медиа-*

стилистику, которая является составной частью как медиалогии, так и стилистики.

Основой стилистики является категория *стиля*. Основой медиастилистики, по-видимому, должна стать категория *медиастиля*. *Медиастиль* понимается нами шире, чем *публицистический стиль*, разработанный в рамках функциональной стилистики. Не отказываясь от достижений функциональной стилистики, мы считаем возможным дополнить известное знание современными принципами изучения сложных феноменов.

Поэтому для определения категории *медиастиля* нам важна относительно новая категория *медиадискурса*. Мы различаем *медиадискурс* и *медиастиль* как самостоятельные, не сводимые друг к другу и не синонимичные понятия.

Для нас *медиадискурс* – это совокупность текстов, созданных журналистами и транслируемых на массовую аудиторию через различные медийные каналы. Здесь важно подчеркнуть «вещность», «осязаемость» медиадискурса. Эта «вещность» противопоставлена ментальной сущности *стиля*, которую так трудно уловить и зафиксировать в конкретных формулировках.

Нам уже приходилось проводить демаркационную линию между *дискурсом* и *стилем* [1]:

Дискурс – это совокупность текстов. Стиль – это и совокупность текстов (например, функциональный стиль), и их отличительная черта. То есть стиль может рассматриваться как система и как имманентный признак / характеристика системы. Стиль организует структурную связность системы и несет целостную информацию о ней.

Дискурс привносит в текст социальное измерение, стиль – философское и эстетическое.

Дискурс – это поле практической деятельности. Стиль – теоретический, эстетический, мыслительный конструкт.

Такие же существенные различия мы находим между медиадискурсом и медиастилем (как частными проявлениями дискурса и *стиля*). Но разграничение этих двух понятий не означает отрицания одного из них в пользу другого. Нам представляется необходимым включение в современную теорию медиастилистики как категории *медиастиля*, так и категории *медиадискурса*, так как именно через категорию *медиадискурса* можно дать определение *медиастиля*.

Мы понимаем под медиастилем общую отличительную характеристику текстов, функционирующих в пространстве медиадискурса. *Медиастиль* объединяет, связывает все тексты медиадискурса в единую систему. То есть *медиадискурс* – это система медиатекстов. А *медиастиль* – особенность этой системы, отличающая ее от других подобных текстовых систем. Таким образом, *медиастиль* обеспечивает связность

(когезию) медиадискурса и его когерентность, не позволяя системе распадаться на отдельные тексты.

Именно поэтому нам представляется необходимым включение категорий *медиастилия* и *медиадискурса* в понятийный аппарат *медиастилистики*. Более того, мы полагаем возможным, и даже удобным, включение категории *дискурс* (понимаемой как совокупность текстов) в современную теорию «большой» стилистики, поскольку она позволяет скорректировать, уточнить и несколько сузить традиционное понимание *стиля* (как системы и ее отличительного признака), принятое в функциональной стилистике, что делает понятие *стиля* более операциональным.

Медиастиль имеет особую *интенционально-нарративную* организацию, обусловленную особенностями медиадискурса. *Интенциональность* медиастилия раскрывает его *универсальность*, а *нарративная* структура свидетельствует о его *национальном* характере.

Интенциональная структура медиастилия обусловлена реализацией в медиатекстах ведущего замысла, на основе которого можно выделить три субдискурса в пространстве медиадискурса: новостной – реализующий интенцию информирования; публицистический – с целью убеждения; тематика развлечения [2].

Эти цели определяют выбор журналистом стилистических средств для реализации своего творческого замысла. Выбор – основная задача именно стилистики. И выбор априори креативен. Но творческое стилистическое поведение журналиста ограничивается заданным форматом издания, его типологической нишей (качественное, массовое или желтое издание), его идеологией (в широком смысле слова), а также жанром и направленностью. Таким образом, формируется особая интенциональность медиастилия, в котором креативность «вписана» в заданные рамки медийных форматов: замысленная автором идея при ее реализации «корректируется» жанром, форматом и другими медийными характеристиками. То есть ведущая дискурсная интенция, с одной стороны, получает конкретные воплощения в отдельных разрозненных текстах различных авторов, а с другой – связывает эти тексты в единую систему.

Интенциональная структура современного медиастилия носит универсальный характер. Современная система массмедиа наднациональна. Она построена по типовым лекалам: одинаково типологическое (нишевое) деление изданий. Практически не различается система жанров современных СМИ в любой стране. Медийные форматы также нельзя назвать культуроспецифическими. Поэтому выделяемые нами ведущие интенции, моделирующие медиадискурс, характерны для медиастилия, независимо от национальных особенностей конкретного социума. В данном случае, в отличие от национального стиля, медиастиль не является уникальным, присущим какой-либо одной национальной культуре.

Это феномен информационного общества, продукт глобалистской культуры, при этом феномен многомерный, сложно организованный. Помимо интенциональной структуры медиастилия, мы предлагаем выделять и его нарративную структуру, которая, напротив, отражает национальный характер конкретного общества, конкретной культуры. Это проявляется в тематике, актуальной и интересной национальному социуму, в подаче «историй»-нарративов сквозь призму национальной идеологии, апелляции к национальным символам и традициям, а также в выборе «героев», чьи имена сами по себе воспринимаются как «свернутый» нарратив (например, Суворов, Петр I, Ленин и др.).

Нарратив – это рассказ, история с определенным сюжетом, с конкретными персонажами. Медиастиль – это «сплав» нарративов, разворачивающихся в текстовом пространстве медиадискурса.

Мы можем выделить *авторский нарратив* (интерпретацию журналистом раскрываемых им тем и описываемых событий), в который «вплетены» *нарратив очевидцев* событий (свидетельства обычных людей о происходящем вокруг них), *нарратив экспертов* (специалистов, оценивающих сложившуюся ситуацию) и *нарратив «героев»* (о ком идет речь в сюжете). Это переплетение различных повествований, объединенное авторской идеей, формирует полифоничность медиастилия и является, наряду с интенциональностью, его особенностью, отличающей его от других стилей.

В теории постмодернизма (Р. Барт, Ю. Кристева, М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида и др.) есть положения о «смерти автора» и деконструкции текста. Это очень ценные идеи для объяснения нарративной организации медиастилия.

Отдельный журналистский текст имеет конкретного автора, который, реализуя свой замысел, подчиняет себе необходимые стилистические ресурсы (т.е. «присваивает» язык). И через выбор «идеологии», номинаций, тональности, оценочности и интерпретации (понимаемой как стилистический вариант описания фактов действительности), он старается убедить своего читателя в правильности своего видения реальности (т.е. «удваивает» реальность, по Н. Луману [3]). В конкретном тексте зафиксировано именно авторское прочтение мира.

Отдельный текст не может обеспечить множество «прочтений». Но множество прочтений может дать медиадискурс в целом, если рассматривать его не только как совокупность /склад отдельных текстов, но и как объединение, переплетение, противоборство и наложение нарратив-сюжетов, разворачивающихся вокруг события или героя. Чтобы из множества фрагментарных, разрозненных медиатекстов выстроить сюжет, нужно действительно «убить автора» и произвести «деконструкцию» текстов, сложив из них линейный метанарратив. Таким образом рефлексирующий читатель, в отличие от «наивного» читателя, может

отстраниться от авторского идеологического давления и сформировать собственное мнение.

Например, свидетельства очевидцев событий, сложенные в самостоятельный целостный линейный нарратив, могут подтолкнуть независимое сознание рефлексирующего читателя к совсем другим выводам и впечатлениям, чем те, которых добивается автор. Модусная рамка автора «обрезает» нарративы очевидцев, чтобы согласовать их с собственной интерпретацией, именно поэтому их следует рассматривать отдельно, чтобы избежать манипуляции (впрочем, не всегда и не обязательно осознанной) со стороны автора-журналиста.

Медиастиль через деконструкцию отдельных текстов и выстраивание из них линейных нарративов связывает медиадискурс в единую уникальную систему. Это сложная система, внутренние процессы в которой отражают максимально возможное объективное познание мира (через познание авторов-журналистов, очевидцев, «героев», экспертов), то есть отражают современное понимание объективной реальности.

Через прерывистость рассказов о событиях или героях, через, казалось бы, затухание фабулы и вдруг неожиданный взрыв напряжения и усиление интриги, через непредсказуемость кульминаций складываются истории, рассказанные разными авторами и с различной интерпретацией. И через множество вариантов одного (исторического) сюжета проступает «морфология» медианарративов, наподобие «морфологии сказки» [4], выявляющая «очищенное» от субъективных переживаний разворачивание сюжета.

«Наивный» читатель не ставит перед собой задачу анализировать доступные источники информации, а обращается к привычным для себя СМИ, которым он доверяет. И только «рефлексирующее сознание» пытается сложить из запутанных рассуждений *метанарратив*, в основе которого будет очищенная от субъективных авторских идеологических интерпретаций историческая фабула, имеющая традиционное построение: экспозицию – завязку – развитие действия – кульминацию – развязку – и иногда эпилог.

Различные нарративы одной истории, одного сюжета или одного события «наслаиваются» друг на друга и высвечивают факты (в точках совпадения, сгущения).

Разворачивание истории происходит в медиадискурсе, а не в отдельном медиатексте. Медиастиль связывает медиатексты в непрерывный мир, в котором герои творят историю, сюжетно и хронологически упорядоченную. Это отличительная особенность медиадискурса, понимаемого нами как совокупность созданных профессиональными журналистами текстов, функционирующих в медиапространстве.

Мы видим уникальность медиастили в его интенционально-нарративной структуре, которая моделирует дискурс в двух направлениях –

целенаправленно (для реализации заданной интенции) и как нарратив («плетение» целостного сюжета в дискурсе из фрагментарной его интерпретации в отдельных текстах).

Медиастиль – не жесткий заданный стандарт, а гибкий, динамический феномен, который каждый раз заставляет медиадискурс «подстраиваться» под реализацию заданной цели и который «своевольно» выстраивает линейность нарратива, ломая авторские интерпретационные рамки. Универсальность, всеобщность и в то же время национальная специфичность медиасталя подчеркивает сложность этого феномена и открытость его для дальнейшего познания.

Литература

1. *Клушина Н.И.* Стиль и дискурс: пути и перекрестки современной лингвистики // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты. Колл. монография / Под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. М., 2014. С. 177–182.
2. *Клушина Н.И.* Интенциональная конфигурация медийного пространства // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 40–46.
3. *Луман Н.* Реальность массмедиа / пер. А.Ю. Антоновского. М., 2012.
4. *Протт М.В.* Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.

МГУ им. М.В. Ломоносова